

МЕТАФОРА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ КАК УСЛОВНО-МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Данная статья является продолжением комплексного исследования понятийной категории абстрактности/конкретности на примере селькупского языка. Рассматриваются вопросы метафорических переносов наименований.

Ключевые слова: метафора; отождествление; абстрактная лексика; конкретная лексика.

В трудах отечественных лингвистов отмечается, что абстрагирующая способность человеческого мышления и активная роль познающего субъекта в акте номинации особенно четко проявляются в процессе образного представления действительности. Эта возможность основывается на способности человеческого мышления ассоциативно связывать предметы и явления окружающего мира, видеть общие признаки и качества разных предметов в результате общности или близости создаваемых ими впечатлений [1. С. 50].

Предмет исследования (абстрактные и конкретные существительные селькупского языка) определяет интерес к тому, как именно, какими путями происходит процесс осмысления абстрактного понятия и его языковое воплощение через отдельные конкретные признаки, каков процесс конкретно-наглядного отражения абстрактного понятия и его закрепления в языке в качестве вторичного, переносного наименования. «Всякая номинация есть, прежде всего, лингвистическая техника, но эта техника имеет менталистическую основу», опосредована мышлением, осуществляется в различных условиях и, следовательно, должна иметь свою специфику в зависимости от уровня развития мышления и степени познания мира» [1. С. 158–159].

Из всей сложной и многообразной проблемы вторичного наименования, основанного на метонимических и метафорических переносах, в настоящей статье затрагиваются лишь некоторые вопросы, связанные со спецификой метафорических переносов в селькупском языке.

Селькупский язык, как и многие другие аборигенные языки народов Сибири, относится к языкам не технологически развитых культур [2. С. 25]. Следует отметить, что отличительной чертой многих языков миноритарных народов Сибири является так называемый переход из одного временного измерения в другое, обусловленный приходом русского населения на территорию проживания этих народов [3. С. 40–42]. Это, в свою очередь, накладывает свой отпечаток на развитие аборигенных языков, которые наряду с чертами древних языков проявляют черты языков современных. В статье «Язык поэзии и первобытно-образная речь» С.Д. Кацнельсон, рассматривая важнейшие семантические особенности имен существительных на ранней стадии развития языка, такие как лексическая нерасчлененность предметных и качественных значений, предметный и качественный полисемантизм, подчеркивает, что в то время печать образности лежала на каждом имени и каждое полнозначное слово содержало в себе изобразительный момент и отражало предмет в живом состоянии форм и красок, но образность первобытного слова, основанная на чувственных и наглядных связях вещей, еще полностью исключает, как полагает автор, образность другого, метафорического плана [4. С. 313].

Лингвисты полагают, что в процессе развития языка предметный и качественный полисемантизм постепенно изживаются. Но в отдельных языках и на некоторых участках лексики его следы сохраняются долго. Образность слова в языке, который находится на ранних этапах своего исторического бытования, основанная на чувственных, наглядных связях, сменяется другой образностью в языке, также во многом опирающейся на конкретные представления, но эта образность уже является осознанной. Принцип осознанности – это главное, что отличает художественную метафору позднего времени от образности речи далекого прошлого. Этот момент более или менее отчетливо подчеркивается при описании механизма метафорического переноса. «При переносном словоупотреблении мы одновременно представляем себе оба понятия: исходное и новое, мы чувствуем замещение в слове одного значения другим» [5. С. 109]. «В основе метафоры лежит мыслительная операция сравнения, и сама метафора – отработанное скрытое сравнение» [6. С. 94].

Н.В. Феоктистова отмечает, что для осознанной метафоры необходимо четкое разграничение абстрактного и конкретного, одушевленного и неодушевленного, чего, по ее мнению, нет ни в языке, ни в сознании людей не технологически развитых культур. Поэтому о метафорах таких языков в огромном большинстве случаев следует говорить как об «образном смешении имен существительных» (*picturesque confusion of nouns*), а не как о метафорах в современном понимании. В качестве условно метафорических единиц ученые рассматривают некоторые употребления слов широкого и общего значений. Предметом их внимания является также так называемая персонификация естественных объектов [7. С. 113]. В настоящем исследовании термин «персонификация естественных объектов» подчеркивает восприятие носителями селькупского языка всей окружающей природы как живой. В отношении описания семантики селькупского языка определение «персонификация» неприемлемо. Персонификация, под которой понимается обычно троп – сознательное приписывание неодушевленному предмету свойств и признаков одушевленного существа, не может применяться тогда, когда деление на материальное и идеальное весьма условно, и, возможно, всякое существо представляется для носителей языка вполне телесным. Согласно мнению П.Ф. Каптерева, перенесение на природу человеческих свойств относится к древнейшим языковым фактам, причем такие переносы на ранней стадии развития языка – «это не метафоры, а простое описание действительности, точные выражения, которые уже гораздо позже превратились в метафоры» [8. С. 125].

При исследовании семантики слов селькупского языка встает вопрос, как рассматривать метафорические с современной научной точки зрения выражения. Являются ли такие выражения результатом четкого представления о двух различных вещах, относящихся к разным сферам и в результате мыслительной операции соединенных в одном наименовании, или многое, что предстает перед современным лингвистом как метафора, является точным описанием действительности с точки зрения носителя аборигенного языка? Или эти «метафоры» относятся скорее к отождествлениям, чем к сравнениям?

Устанавливая разницу между метафорой и отождествлением в селькупском языке, необходимо, в первую очередь, учитывать особенности мировосприятия носителей языка. «Для того чтобы метафорическое употребление слова приобрело более или менее устойчивый характер (т.е. чтобы можно было говорить о языковой метафоре), необходимо, чтобы само ощущение метафоричности данного словоупотребления перестало быть ярко выраженным для значительной части говорящих» [9. С. 104–105].

Важно отметить, что перенос наименования, обусловленный сознательным сопоставлением разнородных предметов и явлений, не является характерной чертой селькупского языка. Образование метафор является результатом многократного обозначения абстрактного понятия названием конкретного предмета, при котором имеет место не их сравнение, а полное отождествление [7. С. 110]. Однако селькупский язык не демонстрирует частого наименования абстрактных понятий конкретным словом. Следует помнить, что перевод на современный русский язык неизбежно модернизирует семантику слова, сразу же перенося его значение в систему современного русского языка и современных понятий. Собранный материал свидетельствует о том, что в системе селькупского языка слово обозначает, прежде всего, конкретное понятие.

В селькупском языке в основе вторичного наименования лежит первоначальное отождествление, и круг условно-метафорических единиц (или метафор отождествления), насколько позволяет судить собранный материал, ограничен преимущественно единицами языка, в основе которых лежит перенос наименований частей тела человека на предметы объективной действительности (или антропологическими метафорами отождествления). Антропологические метафоры отождествления селькупского языка часто касаются объектов и явлений природы. Так, существительное об., кет., вас., тым., тур. *ol, ol, olə*, кет. *ollj.* со значениями ‘голова’, ‘волосы’ может означать ‘верхушка’ (о дереве), ‘верховье’ (о начале реки). В этих обозначениях еще нет собственно метафоры в ее современном понимании, а лишь буквальное обозначение: есть голова реки, а не ее исток, голова дерева, а не понятие вершины. Раннее понимание головы как главной части тела определило появление таких образований, как существительное тур. *olqur* ‘глава рода’; субстантивированное причастие об. Ш *olimj* ‘председатель’, т.е. «таких метафор, которые исторически выполняли функцию понятия в контексте образного мышления» [7. С. 102].

Существительное об. Ш *akka*, об. Ш *aktōp* ‘губа’, ‘губы’ имеет омоним об. Ч, тым. *akka* со значениями

‘протока’, ‘большое длинное озеро’, ‘старица’. Специализированность обозначения именно большого длинного озера свидетельствует о древности слова, о связи его с тем периодом развития языка, когда отсутствовали общие обозначения предметов и явлений, а было много частных наименований, каждое из которых ассоциировалось с отдельными признаками этого предмета (ср. рус. десница). О признаках архаики в семантике слова свидетельствует также синкретизм его значения в этом конкретном применении.

Существительное об. Ш, Ч, кет., тым. *āk, aŋ* имеет значение ‘рот’, например об. Ш *akt kōn əja* ‘рот-его кривой’; об. Ш *ōlig čāža akkīndi* ‘слюна идет изо рта’; кет. *m’ennan angīn* ‘у меня во рту’. Это существительное может также иметь значения ‘устье’, ‘отверстие’, ‘проем’: тым. *kīn ak* ‘устье реки’, об. Ш *madan āk* ‘дверной проем’. Как известно, дверью национального жилища селькупов служит оленья шкура или многослойная вываренная береста. Ученые датируют широкое распространение русских срубных изб среди селькупского населения второй половиной XIX в. [10. С. 338]. Но, несмотря на то, что понятие «дверь» отличается своей спецификой в селькупском языке, оно не является чуждым носителям селькупского языка и в традиционной культуре селькупов воспринимается как рот жилища.

Таким образом, в селькупском языке мы находим примеры переноса (*olqur* ‘глава рода’) и отождествления наименований частей тела (об., кет., вас., тым., тур. *ol, ol, olə*, кет. *ollj.* ‘голова’, ‘верхушка дерева’, ‘верховье реки’) не только на объекты и явления природы, но также на некоторые предметы быта (об. Ш, Ч, кет., тым. *āk, aŋ* ‘рот’, об. Ш *madan āk* ‘дверной проем’). Другим примером антропологической метафоры отождествления является существительное об. С, Ш, тым., ел., тур. *pū* со значением ‘зрачок’, которое называет такое явление природы, как камень (голыш), а также употребляется в значении отверстия в швейной игле: тур. *mīgat pū* ‘ушко иглы’.

Имя существительное об., тым., вас. *top*, об. С, тым. *toppə*, кет. *topj* может употребляться со значениями ‘нога’, ‘ноги’, например: *laqčəmbədi top* ‘сломанная нога’; об. С *topse mir’erčəmpīku as k’er’eg’ej* ‘ногами семенить не надо’; тым. *topse ad’el’d’egu* ‘топать ногами’. Это существительное употребляется также в значении ‘лапа (зверя)’: кет. *qβəryən toppj* ‘медвежья лапа’; таким образом, существительное об., тым., вас. *top*, об. С, тым. *toppə*, кет. *topj* демонстрирует персонификацию естественных объектов. В переносном значении существительное об., тым., вас. *top* (и его диалектные варианты) встречается только в отношении одного предмета быта – стола: об. С *stolon top* ‘ножка стола’. Данное вторичное наименование, относясь к антропологической лексике, не является исконным, поскольку понятие «ножка стола», как и само понятие «стол», было заимствовано из русского языка.

Существительное об. Ч, вас. *χaj* также относится к анатомической лексике и означает ‘глаз’, ‘глаза’: об. Ч *χajōmdə β’es’ čayəq mēmbat* ‘(ты мне) все глаза промозолил’; вас. *χajnde mīl’qātəmbat* ‘глазами моргает’; об. Ч *χaim mul’qal’ešpugu* ‘глазами подмигивать’; об. Ч

χaip qaišpugu ‘глаза прищуривать’; *χajdā tabānan čōlgāmbi* ‘глаза-его у него сверкали (букв. сверкал)’; об. Ч *tab tabādānd χainde mantel’ža* ‘он на них глазами-его уставился’; вас. *olod ella, χajed kombijimba* ‘голова-его живая, глаза-его моргают’. Это существительное наряду с обозначением явления природы, например об. Ч *χoromžet χaj* ‘капля дождя’, об. Ч *ūdīt χaj* ‘капля воды’, называет также понятия из сферы продуктов питания: об. Ч *šaqīt χaj* ‘крупинка соли’, об. Ч *n’uidīl χaj* ‘икринка (буквально ‘сладкая крупинка’)’, об. Ч *feškijt χaj* ‘ядро ореха’.

В других диалектах селькупского языка понятие «глаз/глаза» передается существительным об., кет. *sai, saj*, ел., тур. *saj*, тым. *sāj*, об. С *s’ej*, об. С, Ч, тым. *sej*: кет. *sainmīn manžāmbigu* ‘смотреть в глаза’; об. С *sejde qolžāt* ‘глаз-его косит’; об. С *sejdā tōskan en* ‘глаза узкие (букв. глаз-его узкий есть)’; об. С *seimdā mārərət* ‘глазами моргает’; об. С *sejze margərgu* ‘глазами мигать’; об. С *tep sejm qajkut* ‘она глаза щурит’; об. С *sejeβ čubərentaη* ‘глаз-мой засорил-я’; об. С *manan sejeγan mīrəmpaη* ‘у меня в глазах рябит’; об. С *qajno sejm tejeγəral?* ‘почему глазами подмигиваешь?’; тым. *seiop qačγa ββšpəndīt* ‘дым глаза ест’. Это существительное употребляется также для обозначения петли/ячейки рыболовецкой сети: об. С *poqən sej*, ел. *poqīt saj*. В кетском диалекте *sai, saj* имеет форму множественного числа *saila*. Во множественном числе оно имеет значения ‘глаза’, ‘лучи’: *man sailaβ assə qonžərnattə* ‘мои глаза-мои не видят’, *atuēatə tēlīn sailat* ‘показались лучи солнца’. Таким образом, примеры свидетельствуют о восприятии предметов неживой природы как живых, что обусловлено применением слова об., кет. *sai, saj*, ел., тур. *saj*, тым. *sāj*, об. С *s’ej*, об. С, Ч, тым. *sej* в значениях ‘петля сети’, ‘лучи’. Следовательно, в представлении носителей селькупского языка у рыболовецкой сети не ячейки, а глаза, и лучи солнца являются не чем иным, как глазами светила. Существительное об., кет. *sai, saj* (и его диалектные варианты) употребляется также в значении ‘зерно’, например об. С *sulīn s’ej* ‘овсяное зерно’.

К анатомической лексике относится существительное об. Ч, тым. *kō*, об. Ч, тым *qo*, которое имеет значение ‘бок’. Это слово селькупского языка также употребляется в значении ‘стена’. Значение ‘стена’ является результатом отождествления, т.е. в представлении селькупского народа жилище воспринимается как живое существо, у которого нет стен, а есть бока и рот (см. выше примеры употребления существительного об. Ш, Ч, кет., тым. *āk, aη*).

Примеры антропологической метафоры отождествления селькупского языка, называющие части тела и предметы одежды, представлены следующими существительными: ел. *qōt* ‘лоб’, которое также употребляется в значении ‘козырек’: ел. *ūqīnde qōt* ‘козырек фуражки’; об. С, вас. *mot’t’a, močča*, которое, наряду с наименованием части тела ‘пятка’, употребляется в значении ‘задник (обуви)’.

В селькупском языке существительное тым. *kote*, кет. *kottij* относится к анатомической лексике и обозначает ‘часть спины между лопатками’. Как и ранее описанное об. Ч, тым. *akka*, существительное тым. *kote*,

кет. *kottij* проявляет специализированность обозначения (именно части спины между лопатками). Однако это существительное имеет и другое значение, зафиксированное как ‘промежуток между чем-либо’ [11. С. 51]. Отсутствие примеров словоупотребления существительного тым. *kote*, кет. *kottij* с этим значением не позволяет нам судить о степени абстрактности понятия «промежуток», передаваемого рассматриваемой лексемой. Но сам факт наличия частного наименования, а следовательно, конкретного применения наряду с общим обозначением свидетельствует в пользу движения антропологической метафоры отождествления к передаче не только конкретных, но и более абстрактных понятий селькупского языка, а следовательно, к метафоризации в ее современном понимании. Еще одним примером наличия более общего наименования, полученного в процессе метафоризации, является диалектный дублет существительного об. С, вас. *mot’t’a, močča* со значением ‘пятка’. Этим дублетом является существительное кет. *met’t’a*, семантика которого также передает наименование части тела человека ‘ягодицы’, а также может употребляться и в более общем значении ‘задняя часть’.

Что касается других примеров анатомической лексики, где можно проследить явление персонификации естественных объектов, то к ним можно отнести следующие существительные селькупского языка: тур. *inde* ‘нос’, ‘клюв’; об. Ч, тым. *kō*; об. Ч *qač* ‘мох (болотный)’, ‘волосы’; об. Ш, С *kob* со значениями ‘кожа’, ‘мех’, ‘кора’; об. С *pudit*, об. Ш *pud*, об. Ч *pučit* ‘нос’, ‘клюв’, ‘нос (лодки)’; об. С *subba*, об. С, кет. *sumba*, кет. *sūmba* ‘темя’, ‘затылок’, *pīdin sumba* ‘обух топора’.

Рассмотрев условно-метафорические единицы селькупского языка, которые в основном представлены антропологической метафорой отождествления, приходим к заключению, что в селькупском языке имеются примеры отождествления и переноса наименований частей тела не только на объекты и явления природы, но также на некоторые предметы быта и обихода, и что самое главное, на более общие понятия, об абстрактности которых нам не позволяет с полной уверенностью говорить отсутствие примеров словоупотребления.

Можно предположить, что отождествление части тела и предмета (или, другими словами, отсутствие метафорического переноса) можно с большей уверенностью констатировать, когда данный предмет относится к исконным предметам быта, исторически занимающим важное место в жизни селькупского народа, или называет явление природы. Бóльшая вероятность наличия языковой метафоры имеется в случае переноса значения на явление или предмет, который не относится к явлениям природы и традиционной культуре селькупов.

В селькупском языке примеры неантропологических метафор отождествления немногочисленны и называют конкретные понятия селькупского языка. Например, кет. *lapsj* ‘грива’, ‘бахрома’; об. Ч, кет. *qa* ‘чешуя’, ‘кора’; об., тым., вас., ел. *poq*, вас., тур. *poqqj*, тур. *poqə* ‘паутинная сеть’, ‘рыболовецкая сеть’; кет., вас. *qaβ* ‘чешуя’, ‘кора’, ‘скорлупа’.

Иногда условно-метафорический перенос можно наблюдать в отношении не существительного, а других частей речи селькупского языка, например глагола: об.

Ч *abdägu* со значением 'покормить': *nad'ö kibāčep abdugu* 'надо ребенка накормить', по отношению к ружью означает 'зарядить': *abädägu tül'dem* 'зарядить ружье'. В данном случае можно также говорить об отождествлении действия, восприятие ружья как живого существа обуславливает употребление данного глагола в значении «зарядить». Сам перевод на русский язык данного глагола селькупского языка во многом осовременивает его значение, подгоняет под категории действительности носителя русского языка и культуры. Ведь можно не без оснований предположить, что в восприятии носителя селькупского языка сам процесс зарядки ружья представляет собой процесс кормления живого существа. Имя прилагательное об. *С monjltajmi* со значением 'круглый' употребляется для наименования другого класса объектов, аналогичного данному в определенном отношении, и означает 'картофель': *monjltajmijn čugi kirisa* 'червяк продырявил картофель'. Примерами подобного рода условно-метафорических единиц в селькупском языке являются лексемы: об. Ш *tuŋg* со значениями 'круглый', 'картофель', 'целковый рубль'; об. С *n'uintimj* 'сладкое', 'сахар'.

Таким образом, то, что представителем современной технологической культуры воспринимается как описание просторов воды, верховья реки, промежутка между чем-либо и т.д., обозначается в селькупском

языке анатомической лексикой. Примеры наглядно свидетельствуют о том, что при вторичном наименовании могут использоваться многие и разнообразные признаки, присущие самому обозначаемому конкретным понятием предмету. Первоначально буквальное описание ситуации развивается в сторону стирания специализированности употребления. Наименования конкретных вещей и предметов служат для обозначения новых понятий. Однако степень их метафоричности остается во многом условной.

При отсутствии четкой границы между конкретным и абстрактным трудно говорить о переносных, метафорических применениях слова селькупского языка. Может быть, в каких-то случаях ощущение конкретности образа отступает на задний план, уступая место более общему осмыслению ситуации, но решить это однозначно нельзя. В связи с этим, рассмотренные примеры селькупского языка были отнесены в основном к условно-метафорическим единицам. Е.М. Иссерлин использует выражение «перенесение» номинативного значения слова на какие-то другие явления в тех случаях, когда переносное значение еще не образовалось [12. С. 56]. Учитывая постепенность образования переносных значений, следует признать наличие переходных случаев. И весьма вероятно, что в селькупском языке на современном этапе таких случаев большинство.

СОКРАЩЕНИЯ

Вас. – васюганский диалект селькупского языка

ел. – елогуйский говор селькупского языка

кет. – кетский диалект селькупского языка

об. – обский ареал (об. С, Ш, Ч); об. С – обские говоры Сюсюкум; об. Ч – обские говоры Чумьлькуп; об. Ш – обский говор Шёшкун и Шешкун

рус. – русский язык

тур. – туруханский говор селькупского языка

тым. – тымский диалект селькупского языка

ЛИТЕРАТУРА

1. *Языковая номинация. Общие вопросы* / Под ред. Б.А. Серебrenникова и А.А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977.
2. *Которова Е.Г.* Время и пространство: Специфика концептуального осмысления и языковой репрезентации // *Пространство и время в языках разной типологии: Сб. науч. трудов по материалам XXV Междунар. конф. «Дульзоновские Чтения»*. Томск: Ветер, 2008.
3. *Осипова О.А.* Процесс формирования абстрактных существительных и его связь с уровнем культуры народа // *Вестник Томского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки (филология)*. 2002. Вып. 1.
4. *Кацнельсон С.Д.* Язык поэзии и первобытно-образная речь // *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка*. М.: Изд-во АН СССР, 1947.
5. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М.: Междунар. отношения, 1977.
6. *Никитин М.В.* О семантике метафоры // *Вопросы языкознания*. 1979. № 1.
7. *Феоктистова Н.В.* Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984.
8. *Каптерев П.Ф.* Из истории души. Очерки по истории ума. СПб., 1890.
9. *Панов М.В.* Русский язык и советское общество. М.: Наука, 1969.
10. *Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты* / Отв. ред. И.Н. Гемуев и др. М.: Наука, 2005.
11. *Селькупско-русский диалектный словарь* / Под ред. В.В. Быконя. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005.
12. *Иссерлин Е.М.* Задачи и принципы словаря к «Молению Даниила Заточника» // *Русская историческая лексикология и лексикография*. Л., 1977.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 июля 2009 г.